

Е. Э. ЛЯМИНА, О. В. ЭДЕЛЬМАН

Дневник императрицы Елизаветы Алексеевны

<Фрагменты>

Семейная жизнь императора Александра I протекала негладко. Хорошо известно, что первый период их брака с Елизаветой Алексеевной носил почти идиллический характер, но после воцарения отношения разладились. Распространена точка зрения, согласно которой виновником этого охлаждения был сам Александр. Тем не менее их отношения не только не потеряли видимость согласия, но и оставались вполне дружескими: сохранялась традиция совместных вечерних чаепитий у императрицы, неизменное единство позиций в важных вопросах. Вновь сблизились супруги лишь в последние годы жизни. Два десятилетия их холодности отмечены влюбленностью Александра в Марию Антоновну Нарышкину и рождением у нее дочери от императора, а также рождением второй дочери у Елизаветы Алексеевны (которая, как и первая, умерла в младенчестве). Существует свидетельство секретаря императрицы-матери Г. И. Вилламова, записавшего сетования Марии Федоровны на супружескую неверность Елизаветы. По ее словам, сам Александр (уже после смерти маленькой великой княжны) признался, что это был не его ребенок, и он благодарил Бога за то, что родилась девочка и, таким образом, не могло возникнуть щекотливой проблемы передачи престола бастарду.

Отцом девочки был кавалергардский офицер Алексей Яковлевич Охотников. Надо заметить, что в отличие от связи Александра I с Нарышкиной, бывшей практически на положении официальной фаворитки, роман Елизаветы и Охотникова протекал чрезвычайно скрытно, по всей видимости, породил мало слухов (и то лишь в самом узком кругу) и почти не оставил письменных свидетельств. Охотников умер 30 января 1807 года; его могила сохранилась на кладбище Александро-Невской лавры. После смерти Елизаветы Алексеевны среди ее бумаг в Белёве и в кабинете в Зимнем дворце остались потайные

шкатулки, где хранились письма Охотникова, портреты его и дочери и другие дорогие ей сувениры. Известно также, что Елизавета имела привычку вести дневники. Все это при разборе ее бумаг и вещей было передано в руки Николая I, который, посоветовавшись с матерью и женой, все свидетельства интимной жизни Елизаветы Алексеевны сжег. Характерно, что для Александры Федоровны, приехавшей в Россию в 1817 году, гораздо позже тех романтических событий, узнать о них стало настоящим потрясением: она была совершенно убеждена, что Елизавета — образец добродетели и никаких увлечений никогда не испытывала. (Это лишний раз подтверждает, что роман с Охотниковым не стал расхожей сплетней). Александра Федоровна переписала в свой дневник несколько цитат из писем Охотникова Елизавете, не оставивших сомнений в состоявшейся между ними близости.

Записи Александры Федоровны и Вилламова, а также зафиксированный позднее П. И. Бартеневым¹ рассказ старой придворной дамы о том, что Елизавета Алексеевна на одном из балов приревновала Охотникова к юной красавице Наталье Загряжской (будущей теще Пушкина), и были до сих пор практически единственными достоверными свидетельствами о романе Елизаветы Алексеевны с Охотниковым.

Новые краски эта почти забытая история обрела в начале XX столетия, когда появились ее изложения, восходящие к историческим штудиям великого князя Николая Михайловича. Первой стала публикация в «Сборнике биографий кавалергардов» статьи об Охотникове (работа над которой велась при близком участии Николая Михайловича), где много места было уделено описанию его любви к некоей высокопоставленной даме и сообщалось, что, стремясь пресечь роман, деверь этой дамы подослал убийцу, ударившего Охотникова кинжалом при выходе из театра осенью 1806 года. От полученной раны молодой человек и скончался. Несмотря на недоговоренность, обусловленную цензурными условиями, в героях этой истории легко узнавались императрица Елизавета Алексеевна и великий князь Константин Павлович. Затем Николай Михайлович написал книгу о Елизавете Алексеевне, для которой подготовил главу о романе с Охотниковым. Публикацию этой главы запретил Николай II, но текст ее сохранился в архиве Николая Михайловича. В нем повторена та же история гибели кавалергарда и приведен некий текст, названный «выдержкой из записки гувернантки», служившей в доме брата Охотникова, где тот умер. Здесь содержится чувствительное повествование о том, как перед смертью молодого человека посетила его возлюбленная (она именуется Елизаветой) и как они простились. Даже беглое знакомство с «рассказом гувернантки» заставляет усомниться в его достоверности. Он не только содержит подробное

описание сцен, которых никто посторонний видеть не мог, не давая при этом никаких сведений о самой этой гувернантке, но и написан стилем, решительно не свойственным первой половине XIX века. Многословный, сентиментальный и мелодраматичный, текст этот совершенно явно принадлежит литературной традиции поздней викторианской эпохи. Представляется очевидным, что сочинен он был самим Николаем Михайловичем, который хотел поведать то, что знал из родственных преданий, но сделать этого прямо не мог и завуалировал мнимым рассказом мифической гувернантки. Таким образом, мы имеем дело со слухами, бытовавшими в семье Романовых.

Именно в таком виде история любви Елизаветы Алексеевны и Охотникова и его гибели стала общим местом, одним из излюбленных романтических сюжетов. Между тем никто почему-то не задумывался о явной недостоверности эпизода с ударом кинжалом. На этот счет не существует никаких свидетельств современников, а ведь речь идет не о средневековой Венеции или гангстерском Чикаго: нападение на кавалергардского офицера в центре Петербурга было бы случаем чрезвычайным (трудно вспомнить хотя бы один пример уличного нападения на представителя аристократии в ту эпоху) и не могло бы пройти незамеченным, даже если бы истинная подоплека его, касающаяся императрицы, и осталась в тени. Одновременно существуют подлинные документы о том, что Охотников был болен чахоткой, по болезни провел лето 1805 года в своем имении и не смог вернуться в срок на службу из-за горлового кровотечения, а осенью 1806 года подал прошение об отставке «за грудной болезнью». Эти документы ныне хранятся в РГВИА и были использованы авторами «Сборника биографий кавалергардов», которые, впрочем, сочли, что рапорт о болезни был призван скрыть полученную Охотниковым смертельную рану. Странно, что такую версию выдвинули военные историки: ведь для офицера проситься в отставку из-за свежей раны — это нонсенс. Поводом для отставки могла служить хроническая болезнь; раны же либо лечились, либо от них умирали — но в таком случае зачем нужна отставка?

История об убийстве Охотникова является позднейшей легендой, происхождение которой до конца не ясно. Она носит очевидную направленность против Константина Павловича и была, по-видимому, в ходу у последних поколений царствовавшего дома, но не могла возникнуть при жизни свидетелей описываемых событий; вряд ли она появилась раньше смерти Николая I и вряд ли также была сочинена самим Николаем Михайловичем, известным исследовательской добросовестностью. В Государственном архиве РФ в фонде Елизаветы Алексеевны хранится несколько листков, атрибутированных в архивных описях как ее дневник. До сих пор эти листки, плотно заполненные

чрезвычайно мелким почерком по-французски, не привлекали к себе внимания. Ознакомление с их содержанием приводит к открытию: перед нами фрагмент потайного дневника императрицы, посвященного исключительно развитию чувства к Охотникову. Неясно пока, каким образом эти листки избежали сожжения Николаем I. Но очевидно, что с ними не были знакомы ни Николай Михайлович, ни его сотрудники по «Сборнику биографий кавалергардов», ибо в противном случае они бы описывали роман Елизаветы иначе. Достаточно сказать, что Николай Михайлович относил начало романа к осени 1805 года, когда император с гвардией отправился в заграничный поход, а Охотников остался в Петербурге, — из дневника же видно, что чувства развивались уже в начале 1803 года, а возникли, скорее всего, раньше.

Имеются два фрагмента дневника: один охватывает промежуток с февраля по конец августа 1803 года, второй — с декабря 1803 (имеются краткие ретроспективные записи о событиях осени этого года) по начало февраля 1804 года. <...> Все записи сделаны тонким карандашом также по-французски. Содержание дневника явно не было предназначено для посторонних глаз, а малый его размер наводит на предположение, что императрица его прятала. Тем не менее и сами записи слегка зашифрованы. При первом беглом просмотре кажется, что это — обычный дамский дневник с заметками о прогулках и балах. Если же вчитаться, станет ясно, что Елизавета Алексеевна ежедневно фиксировала все мгновения и обстоятельства, когда ей удавалось увидеть предмет своей любви. Строгий этикет не позволял императрице вступать в разговоры да и просто обращать внимание на офицера, пусть даже допущенного ко двору, поэтому на протяжении целого года, охваченного дневником, развитие чувств выражалось в брошенных и пойманных украдкой взглядах, мимолетных встречах их экипажей во время прогулок по городу. Событиями, которые она тщательно записывала, оказывалась возможность услышать его голос, когда он крикнул кучеру «Стой!», или почти состоявшийся контакт, когда ее собачка в парке подошла его обнюхать. Летом 1803 года, когда Елизавета Алексеевна жила во дворце на Каменном острове, они пользовались популярной в ту эпоху романтической игрой — обменивались надписями на коре деревьев в укромном уголке парка. Значение дневника Елизаветы Алексеевны не исчерпывается историей ее любви как таковой. Пожалуй, это один из очень немногих женских дневников эпохи раннего романтизма, который синхронно, день за днем, фиксирует развитие чувства. Причем записи эти принадлежат женщине душевно и интеллектуально развитой, склонной анализировать и кратко, но очень точно описывать свои душевные движения. Возвращаясь к вопросу о полузашифрованности ее запи-

сей, заметим, что причиной служило не только опасение нескромных глаз, но и, как представляется, сдержанность и душевное целомудрие Елизаветы Алексеевны. Любопытно (и многое говорит о ее семейной жизни), что даже в этом потайном дневнике она неизменно называет мужа «императором», а свекровь — «императрицей». Особую сложность тексту дневника придает то обстоятельство, что большинство упоминаемых в нем лиц фигурируют под прозвищами. Видимо, Елизавета Алексеевна пользовалась светскими кличками, принятыми в каком-то узком аристократическом кругу. Герой ее романа в дневнике называется *Vosdu*. Можем ли мы с уверенностью отождествлять его с Алексеем Охотниковым? В этом убеждает как совпадение имени, которое императрица вырезает на дереве (*Alexis*), так и обращение к камер-фурьерскому журналу: в те дни, когда в дневнике упоминается, что императрица видела *Vosdu* на карауле в залах дворца, согласно записям в журнале, дежурили кавалергарды.

Часть прозвищ удастся расшифровать. Так, из одного из писем Елизаветы Алексеевны к матери узнаем, что Принчипессой (*Principessa*) в ее кругу звали ближайшую ее подругу княгиню Н. Ф. Голицыну; за прозвищем Черепаха (*la Tortue*) легко угадывается кавалергардский офицер Черепанов, фигурирующий в тексте также и под своей фамилией. Кто скрывался под именами Обжора (*le Mangeur*), Провидение (*la Providence*) и пр. — остается пока неясным. Также не до конца отождествляются и дамы, которых императрица называет по имени. Но как бы то ни было, из текста ясно, что существовал круг лиц, посвященных в развитие романа. Это несколько приближенных подруг Елизаветы Алексеевны, спутниц ее прогулок, в первую очередь княгиня Н. Ф. Голицына и сестра императрицы принцесса Амалия Баденская, а также друзья и спутники Охотникова (чаще всего называются Черепанов и Обжора). Довольно часто императрица употребляла труднопереводимое на русский язык выражение *de la race* (буквально: «из их породы», при переводе использовано выражение «из их братии»), обозначавшее какой-то кружок приятелей Охотникова, возможно, состоявший из кавалергардов.

30 июля 1803 года императрица отмечает, что советовалась с графиней С. В. Строгоновой², которая, по-видимому, не одобрила ее увлечения и в последующие дни вызывала раздражение Елизаветы Алексеевны. Второй, более поздний фрагмент дневника, начинается с упоминания полученного ею портрета предмета ее чувств, затем среди персонажей дневника появляется некто Источник (*la Source*). Таким образом, если на протяжении 1803 года роман состоял из мимолетных случайных встреч и, самое большее, надписей на коре деревьев, то теперь нашелся некий посредник, через которого императрица узнавала

новости об Охотникове. Неясно, кем было это лицо, однако представляется более вероятным, что это была дама (французский текст не дает грамматической возможности определить пол этого персонажа).

Рисуемый дневником роман обладает вполне точно очерченной пространственной локализацией. Как известно, зимой Елизавета Алексеевна вместе с Александром I жила в Зимнем дворце, лето проводила на Каменном острове, а межсезонье, позднюю весну и раннюю осень, — в Таврическом дворце. Живя в городе, она совершала ежедневные прогулки в экипаже, маршрут которых легко восстанавливается при помощи текста дневника, и выходила из кареты для пешей прогулки по одному из парков — саду Таврического дворца или Летнему саду. Упомянутые в дневнике посещения церкви и театра происходили в пределах самого дворца (имелись в виду дворцовая церковь и Эрмитажный театр). В городских театрах Елизавета Алексеевна не бывала. На Каменном острове она гуляла по окрестностям, часто бывала на располагавшихся неподалеку дачах Н. Ф. Голицыной и Строгоновых. Каменноостровский дворец стоит на самой оконечности острова, возле моста через Малую Невку, но отсюда хорошо просматривается и мост через Большую Невку. Поэтому императрица могла видеть Охотникова, постоянно ездившего мимо — из города в летнее расположение своего полка, который стоял за Большой Невкой, в Новой Деревне.

Определенные стилистические затруднения при переводе вызывает постоянно встречающееся в дневнике по отношению к Охотникову определение *joli*, в русском языке точного аналога не имеющее. Буквально оно означает человека не столько красивого, сколько обладающего своеобразной привлекательностью, в применении к женщинам оно обычно переводится словом «хорошенькая», что невозможно, когда речь идет о мужчине. В качестве приемлемого русского аналога было выбрано «прелестный». Дневник Елизаветы Алексеевны публикуется в переводе с французского языка. Два его фрагмента обозначены соответственно номерами I и II. Авторские зачеркивания приводятся в конъектурных скобках; в квадратных скобках раскрываются сокращения, даются вставки от публикаторов и предположительные чтения. Подчеркивания везде принадлежат автору, в случаях, когда в подлиннике слово подчеркнуто двумя чертами, в публикации оно подчеркивается и выделяется курсивом.

I

<...> сомнения в том, что это его я обогнала на набережной. Прелестный Vosdu.

Ср[еда], 11 [февраля]. Предчувствие, что он будет в карауле, и в самом деле, бесполезная прогулка. Бал у Императрицы], пло-

хо видела, идя ужинать, но украдкой посмотрела, возвращаясь. Любезный Vosdu, ручаюсь, что он сделал это нарочно.

Четверг, 12. Хотя и только что сменившись с караула, [прогуливался] пешком по набережной с другом, я в санях; входя в театр, не видела и заметила только, выходя, в тени на крыльце, и все же два взгляда.

Пят[ница], 13. Пл[охо], маленький бал у гр[афини] Стр[огоновой].

Суб[бота], 14. Идя пешком по набережной, под конец прог[улки], я увидела его с другом в санях перед нами, на некотором расстоянии они повернули назад и поехали нам навстречу, потом, увидев, что с той же стороны идет один из их братии, они свернули во двор М[раморного] дв[орца], на площадь, где устроены ледяные горки, там они вышли из саней, а я, обогнав их, села в карету и повернула на площадь, где их обогнала. Вечер в Собрании. День весьма примечательный. Как только мы вошли и уселись на банкетках, входит Vosdu и дружески приветствует какого-то человека, стоявшего с несколькими другими драгунскими офицерами, светлая тес[ьма] и лиловый воротник, затем он обвел в высшей степени безразличным взглядом весь ряд дам, в котором сидела и я, но, кажется, меня не заметил, а если и заметил, это для меня вовсе не лестно, раз я произвела на него так мало впечатления, и все же я чувствовала некоторую радость оттого, что видела его, а он при этом и не догадывался, что я его вижу. К тому времени как я во второй раз на него поглядела, он уже заметил меня, ибо наши глаза встретились. Вскоре стали танцевать полонезы, я и без того была уже немного раздосадована тем, как он пробежался глазами по женщинам, сидевшим в одном ряду со мною, так что я, проходя возле него в нескольких полонезах, не смотрела, Обжора был очень занят разговором с каким-то ужасным старым генералом. Я возвратилась на свое место, Vosdu вновь стал мил. Имп[ератор] пожелал, чтобы танцевали экосезы, я танцевала с госп[одином] У[варовым]³, Vosdu занял место напротив нас и оставался там <от начала до конца> в продолжение всего тура экосеза; я была ни жива ни мертва, я так смутилась от счастья, что предпочла бы провалиться сквозь землю. Мне было очень неловко танцевать на глазах у Vosdu, это было впервые и столь открыто, мне случалось танцевать в самых разных ситуациях, но на сей раз это было поистине очаровательно. И все же я была сердита на то, как Vosdu смотрел на всех мелькавших перед ним женщин, он всех их разглядывал, не пропустил ни одной. После экосеза, который я танцевала перед Vosdu, я пошла к своему месту, начали другой, очень длинный, в котором я была так низко, что, лишь поднимаясь, успела испытать тысячу разнообразных чувств. Сначала то, как Vosdu разговаривал, смеялся и рассматривал танцующие пары, рассердило

меня (с Унг[ерном]⁴), затем движение, быть может, непроизвольное, преисполнило меня гневом против него. Взгляды его уже не казались мне столь нежными, я их избегала, а когда я стала танцевать, он исчез, этот бесконечный экосез длился еще так долго, что я решила, что он уехал, и, немного отдохнув, объявила, что намереваюсь уехать, как тут увидела его входящим в зал с видом на редкость равнодушным. Вскоре после того я выскользнула из зала, однако мой последний взгляд все же невольно упал на него. Я возвратилась к себе в странном состоянии. [Я была] рада, что мое предчувствие меня не обмануло, счастлива, что видела его, но в то же время недовольна, как мы бываем недовольны избалованным ребенком, которому в глубине души прощаем, не в силах противиться его обаянию.

Воск[ресенье], 15. Очень плохо. Три первых недели в слезах, архиплохие. Я полагала все конченным, но в воскр[есенье] 8 марта, идя к обедне, [увидела его], вид потерянный, волосы в беспорядке, не сводил глаз с Имп[ератора], при выходе Vosdu пытался смотреть, стоя за группой камергеров и затем в Кавалергардском зале. Встретила в карете на Фонтанке с Черепановым.

Понедельник, 9. Пл[охо].

Вт[орник], 10. Погода прекрасная, пешком на набережной, моя С[естра] уверяет, что он не смотрел ни на нее, ни на Аннету Пр.

Ср[еда], 11. Панихида, обманутая надежда, и я уже была готова к плохой прогулке, как совершенно неожиданно в карете на Фонтанке, к несчастью, стекло с моей стороны было поднято, прелестный Vosdu посмотрел так внимательно, мы встретились, потом его пустая карета, а его я, как мне показалось, видела в доме госп[одина] У[варова] возле окна.

Четверг, 12. Пл[охо].

Пятница, 13. Мы на Фонтанке, я видела, как он пересек большую площадь сада в карете, готова поклясться, что он был с другом и что именно по этой причине мы его не увидели затем у окна в доме госп[одина] У[варова]. Прелестный Vosdu, он подался вперед, на лице его было написано любопытство.

Суббота, 14, утром. Бесплезная прогулка. После обеда полная неожиданность — перед Адмиралтейством в карете, ехал к госп[одину] У[варову], вероятно по какой-то служебной надобности, при полку д[е]ж[урный], так как на нем была перевязь. День [успехов] моей С[естры], angebrannt (воспламенена) до последней степени.

Воск[ресенье], 15. В карауле, милый взгляд проходя, я смешалась, его голос взволновал меня до глубины души. Angebrannt, думала только о нем; весь день провела в мечтаниях о любви, утром не выходила вовсе, чтобы не встречать тех, кого невозможно выносить.

Понедельник, 16. Сцена у матушки, но победа осталась за мной. Когда мы шли пешком по набережной, Vosdu пронесся мимо нас в своей прелестной легкой коляске, которую мне так было приятно вновь увидеть. Бледный, усталый, он ехал к г[осподину] У[варову], где остался надолго.

Вторник, 17. Я вышла поздно, когда я оказалась на набережной, то первым, кого увидела, был Vosdu, мы вышли из кареты почти что перед ним. Он следовал за нами какое-то время, а затем я, напуганная количеством народа, села обратно в карету, и мы снова проехали перед ним. Обедал госп[один] У[варов]. Разговор коснулся того, как Vosdu учил молодых офицеров и проч.

Ср[еда], 18. Я поехала напрямиком на Английскую набережную. Я прошла по ней лишь несколько шагов, как проехал в своей коляске с неистовым звоном бубенчиков Vosdu, раздалось громкое «Стой!», и мне показалось, что я узнала его голос, затем видела у окна в доме госп[одина] У[варова].

Четверг, 19. Я видела его коляску у дверей госп[одина] У[варова], но я уже один раз там проехала. День встречи с эрцгерцогом, плохо.

Пятница, 20. Весьма плохо! Я не выходила, погода ужасная. Задумчива, безотчетно грустна по причине, не имеющей отношения к Vosdu.

Суб[бота], 21, утром. Идя к Имп[ератрице], которая была больна, я встретила нескольких из их братии, но Vosdu не было, не выходила, грусть, мучительные раздумья, отнюдь не о Vosdu.

Воскр[есенье], 22. У обедни Vosdu не было, и в понед[ельник], 23 — пл[охо], но несколько отвлеклась от Vosdu за моими домашними огорчениями.

Вторник, 24. Во время прог[улки] ничего. После обеда я случайно глянула из окна диванной комнаты на набережную, когда он проезжал, он не мог меня видеть, я заметила только его плюмаж и узнала коляску. Он смотрел в сторону набережной. Но это мгновение произвело во мне извержение вулкана, и часа два потом кипящая лава заливала мое сердце. Я оставалась до 10 часов у гр[афини] Толс[той] и вернулась несколько остывшей. Ничего, плохо до Вербного воскр[есенья], 29, ничего, у обедни, когда я уезжала в карете, заметила коляску Vosdu и сразу же после этого его самого на набережной, видела его плохо, между нами были кареты, но затем на проспекте, прелестен, прелестен как никогда, очаровательный сияющий взгляд, но бледен.

[Понедельник], 30. Я была больна и не выходила.

Вт[орник]. Видела Vosdu на набережной с другом, остаток Страстной недели плохо.

Пасхальной ночью, воскр[есенье], 5 [апреля]. По дороге в церковь очаровательный взгляд, говорящий как никогда, глаза сияли, в них выражалось беспокойство остаться незамеченным, удовольствие, они впервые как будто говорили: «Ах, я вновь вижу вас — а вы разве меня не видите?» Наконец, взгляд, внесший бурю, смятение в мое сердце. Этот язык глаз был столь ясен, что он не мог не думать того, о чем глаза говорили. Целование руки испорчено, огорчена, в передней безобразная сцена, [его] видела только мельком. Идя к вечерне, смотрела, но плохо видела, он был в тени, а на обратном пути я на него взглянула, когда он приветствовал Императора]. Прелестный Vosdu, он склонил свою изящную голову. Гуляла, и под конец прогулки на Сенатской площади, в его новой карете, я его сначала не узнала, потому что он был несколько вдали, при повороте я оглянулась, Vosdu высунулся и глядел, пока мог видеть.

Понедельник. Пло[хо].

Вторник, 7. Пло[хо], погода ужасная, я думаю, он был в карауле.

Среда. Я встретила его на проспекте по другую сторону шлагбаума, я его совсем не разглядела, а только предполагала, что это был он. Вечером бал у Императрицы], весьма грустно и плохо.

Четверг, 9. В момент, когда выходила, неожиданно встретила Vosdu в карете, не успела его рассмотреть, поскольку была занята чтением письма Фрик⁵, которое только что получила. После обеда погода стала лучше, я отправилась на качели и перед Адмиралтейством нашла карету друга Vosdu с разбитым колесом, это меня встревожило, я подумала, что Vosdu мог быть в ней. Приехав к качелям и встав в ряд, я сразу увидела карету Vosdu за две или 3 до моей; так мы долго кружились, и хотя большого удовольствия от этого не было, было все же сладко пожираться взглядом хотя бы его экипаж, говорить себе, что он там внутри, и видеть его плюмаж над экипажем. Сделав несколько кругов, г-н Vosdu вероятно заметил, что нечто следует за ним, он высунулся из кареты и, вероятно, заметив, что это доставило удовольствие тому, кто следовал, он стал повторять эту проделку на каждом повороте, и эти маленькие знаки внимания бесконечно украсили прогулку. Вскоре он выехал из ряда и встал в тот, что двигался навстречу, так что я один раз хорошо его видела, он был с другом, но благодаря глупым распоряжениям полиции я дважды его пропустила. На возвратном пути я увидела карету друга на прежнем месте, но колесо уже было починено. Гр[афиня] Стр[оганова] ужинала у нас, мы читали книгу кн. [фамилия нрзб]. то, что он об этом пишет, легкое чувство унижения при мысли о Vosdu. <...>

